

Пролог

Канун Рождества

Лэндон

Подняв воротник пальто, я торопливо спускаюсь по ступеням и направляюсь к центральным воротам клиники. Под подошвами хрустит пушистый снег вперемешку с цветными брызгами от разорвавшихся хлопшек. Кудрявые полосы серпантина свисают с перил, цепляются за зеркала и дворники припаркованных на территории больницы автомобилей.

Декабрьский по-праздничному трескучий мороз мгновенно перехватывает горло. В лицо ударяет порыв холодного ветра, покалывая щеки ледяными иглами. Рассвет наступит не раньше, чем через час, зимнее солнце не спешит просыпаться, но город давно не спит. Канун Рождества — особенное время, когда предчувствие волшебства буквально витает между домами, залетает в окна, звенит бубенцами и цокает копытами пластмассовых оленей в красных шарфах.

Задержавшись на тротуаре, я вдыхаю полной грудью очищенный морозом воздух. Прищурившись от оби-

лия мерцающих огней и гирлянд, смотрю на охваченных праздничной суетой улыбающихся прохожих. Они спешат к своим семьям по сверкающим иллюминацией улицам мимо наряженных елок, пританцовывающих Санта-Клаусов, сверкающих витрин и парочки нетрезвых эльфов, раздающих прохожим леденцы в красивых обертках. Паутина яркого света тянется от здания к зданию, попутно обнимая замершие голые ветви деревьев, оживляя каждое подмигивающими огоньками и словно предлагая присоединиться к сказочному представлению.

Повинуясь внезапному импульсу, оглядываюсь на фасад клиники. Под вывеской с названием переливается всеми оттенками голубого гирлянда, состоящая из сотни покачивающихся на ветру искусственных снежинок, так похожих на настоящие, которые, отражая свет праздничных огней, щедро валятся с неба на мои волосы и плечи, забираются за воротник, превращаясь в крошечные капельки воды от соприкосновения с горячей кожей.

— Бейкер, подожди минуту.

Услышав свое имя, фокусирую взгляд на приближающейся фигуре Джона Ресслера. Он быстро направляется ко мне, на ходу накидывая пуховик прямо поверх белого халата. Я инстинктивно иду навстречу коллеге.

— Мы вроде попрощались, когда кофе пили, — напоминаю, когда между нами остается несколько шагов. — Что это? — нахмурившись, с недоумением смотрю на протянутую Джоном прямоугольную плоскую коробку размером с ладонь, завернутую в глянцевую яркую бумагу с красно-белыми рисунками.

— Держи, говорю, — раздраженно бросает Джон, пытаюсь отдышаться после бодрой пробежки и не спеша прояснить свой странный жест. Мы, конечно, очень давние друзья, но подарки у нас дарить не принято. Угостить друг друга выпивкой в баре после дежурства — вот это другое дело.

— И с Рождеством я тебя вроде уже поздравил, — озадаченно смотрю на запыхавшегося приятеля, автоматически бросая неожиданный презент в карман пальто.

— Не-а, — отрицательно мотнув головой, лыбится Ресслер. — Не поздравил. Но подарок не от меня.

— Нет? — еще больше теряюсь я, припоминая, кто из медсестер и прочего младшего персонала не отметил меня своим вниманием и дарами в последнее перед отпуском дежурство.

— Разочарован? — хохочет Джон, явно пребывая в лучшем настроении, чем я, хотя это он должен был с сегодняшнего дня отправиться в запланированный отпуск. — Не парься, дружище. Пациентка твоя передала. Терлась у твоего кабинета. Очень расстроилась, что не успела поздравить лично.

— У меня, точнее, теперь у тебя, их больше двадцати. Какая именно? — уточняю я, не веря, что Ресслер из-за такой ерунды бросился меня догонять.

— Имя вылетело, — Джон задумчиво морщит лоб. — Худенькая, маленькая, волосы под мальчика, глаза большие, грустные.

— Я не оперирую детей, Джон, — напоминаю с иронией. — И ты тоже. А большие и грустные глаза будут у меня, когда я попаду в снегопад и застряну на

трассе, если не выеду прямо сейчас. Ты с каких пор таким сентиментальным стал?

— Не знаю, жалко стало. Рождество все-таки, а тут такая беда у малышки. Любимый доктор свалил, не прощавшись. Она, как узнала про твой отпуск, чуть не расплакалась. Влюбилась, наверное.

— Ресслер, в нас каждая вторая пациентка женского пола влюбляется, вне зависимости от возраста, и вся любовь благополучно заканчивается сразу после выписки, — произношу, потирая озябшие ладони и мысленно прикидывая, успею ли я добраться до загородного дома до начала снегопада.

Джон ухмыляется, понимая, что возразить ему нечего.

— В общем, я передал. Совесть моя чиста. Скоро утренний обход, скажу крохе, что ты очень обрадовался подарку, — подмигнув мне, Джон разворачивается, чтобы вернуться к своим прямым обязанностям. Внутри что-то неприятно натягивается. Пациентка, попадающая под описание Ресслера, у меня только одна.

— Подожди, — задерживаю Ресслера, взяв за локоть. — Диагноз помнишь? Ты всю ночь у меня истории болезни принимал.

— Диагноз помню, — повернувшись, кивает Джон. — Ротационный перелом позвоночника со смещением, — выдает тоном отличника. — Через пару дней буду ее готовить к выписке.

— Фигуристка, — вспоминаю я, непроизвольно бросая взгляд на искусственный каток, находящийся прямо за забором клиники. Его установили недавно,

буквально пару дней назад, и по вечерам на нем не про- толкнуться от посетителей на коньках.

«Доктор, вы можете попросить палатную медсестру, чтобы она не поднимала жалюзи?»

И эту просьбу во время утреннего обхода я тоже вспомнил, но причину понял только сейчас. Из окон ее палаты каток виден как на ладони.

— Фигуристкой ей точно не быть, — качнув головой, прогнозирует Ресслер. — Но ходить и вести полноценную жизнь сможет.

— Ладно, надо ехать, — протянув руку, пожимаю ладонь друга и выжимаю из себя заезженное: — Счастливого Рождества, Джон.

Через десять минут, задав навигатору координаты пункта назначения, я выворачиваю на шоссе. Автоматический женский голос сообщает, что дорога займет пятьдесят семь минут, предупреждая о заторе на центральной городской авеню. Решив не тратить время на пробку, меняю маршрут и погромче врубаю радио. Салон автомобиля наполняет меланхоличный голос Джорджа Майкла с неизменным рождественским хитом всех времен и народов:

«Last Christmas
I gave you my heart,
But the very next day you gave it away...»

Решив найти что-то пободрее, я переключаюсь на другую частоту и вновь попадаю на эту же композицию. Раздраженно выругавшись, ищу дальше.

«На Рождественскую ночь метеорологи обещают жителям Чикаго сильную метель с ураганными порывами ветра, самый эпицентр которой придется на пригород, предостерегаем всех, кто планирует поездку на автомобиле, быть осторожнее на дороге, ну а мы продолжаем согреться малоизвестными фактами на зимнюю тему», — жизнерадостным голосом вещает диктор третьей по счету радиостанции. Неужели хоть что-то, не содержащее словосочетание «Last Christmas». Радиоведущий продолжает болтать, снегопад усиливается, ветер бросает в лобовое стекло горсти белой пыли, а оставшиеся километры, вопреки ужасной видимости и обледеневшему покрытию дорожного полотна, медленно, но верно сокращаются.

— Через один километр поверните направо, — оживает навигатор.

«И теперь мы с вами поговорим о фантастическом примере самоорганизации материи из простого в сложное, — перебивает механического собеседника неуговорный ведущий. — И речь пойдет... Вы никогда не угадаете. Конечно же о снежинках.

Сбросив скорость, я резко выворачиваю руль, едва не пропустив поворот, в который один хрен не вписываюсь. Все происходит мгновенно и в то же время словно застывает. Автомобиль заносит, несмотря на мои тщетные попытки удержать управление. Но я не чувствую паники, не вижу вспышкой пролетающую перед глазами жизнь. Ни зашкаливающего пульса, ни сбивающегося ритма сердца. Абсолютное ничего. Я словно отстраненный наблюдатель, а не тот парень за рулем неуправляемого автомобиля, несущегося по дороге. Трасса напоминает гребаный каток, на котором тяже-

ленный внедорожник кружит, словно изящная фигуристка в танце. У него, а точнее у меня, практически нет шансов. Чудес не бывает, но в Рождество так хочется в них верить.

«Вы знали, что более трех миллиардов человек, живущих на Земле, никогда не видели снежинок? Невероятная цифра. Трудно представить всех этих несчастных», — продолжает болтать радиоведущий.

Под визг тормозов и скрип шипованных шин, скользящих на ледяной дороге, глянцево-черный монстр на скорости влетает мордой в сугроб на обочине, из которого торчит дорожный знак.

«А о том, что в Японии находится единственный в мире Музей снежинок, названный именем ученого, считающего, что снежинки — это письма с небес, вы тоже наверняка не слышали?»

— Вы ушли с маршрута, — бездушно оповещает навигатор и замолкает.

«Как вам такой факт: в одном кубометре снега находится триста пятьдесят миллионов снежинок, каждая из которых уникальна?»

ЧАСТЬ 1

Снежные пленники

Глава 1

Канун Рождества, 2012 г.

Снежинка

— **Н**овый год. Новая жизнь, — с воодушевлением повторяю я успокаивающую мантру, на максимум врубая в машине новогоднюю музыку. Фрэнк Синатра отлично гармонизирует и умиротворяет нервную систему во время вождения. Особенно когда из-за снежной и бурной метели в этой богом забытой глуши, я рискую вновь повторить самый жуткий кошмар наяву, что неумолимо преследует меня всю жизнь.

— Вот черт, ну и погода здесь, — вновь возмущаюсь я. Прищуриль веки, отчаянно пытаюсь разглядеть дорогу перед собой. Все тщетно: моему взору открываются лишь засвеченный лес и ослепляющие снежинки, стремительно влетающие прямо в лобовое стекло, словно микрокометы.

Если бы я знала, что дорога будет такой опасной, я бы ни за что не покинула город. Но мне настолько хотелось свалить подальше от тесной квартиры, раздувающей ощущение острого одиночества до размеров

галактики, что я, не задумываясь, пошла на этот опрометчивый риск. Дорога до дома у озера стала тем еще квестом, но до заветного места осталось не более часа. Остается только надеяться, что я доберусь до него без приключений и роковых последствий, которыми грозит образовавшийся на дороге каток.

И стоит мне только подумать о «роковых последствиях»...

Чертов панический приступ, как всегда, накрывает внезапно. Страх с ноги выбивает дверь в мою душу, берет за глотку, сковывает грудную клетку ледяными щупальцами.

Уже хорошо мне знакомый припадок неконтролируемого ужаса душит, сжимает опустевшие легкие. Гортань и горло в тисках, поперек шеи стоит снежный жар. Фантомные ощущения настолько мощные, что, кажется, я могу умереть от удушья или сердечного приступа куда быстрее, чем родители, покинувшие этот мир из-за страшной аварии.

Одиннадцать лет назад вместе с ними могла погибнуть и я, но мне повезло больше.

Ноги немеют, ладони хаотично скользят по рулю, я уже не разбираю слов рождественской песни. Перед внутренним взором калейдоскопом кадров пробегает ужасающее воспоминание: сумерки сгущаются над этой же дорогой. Мы с мамой и папой веселимся, горланим новогодние песни во весь голос и смеемся до колик в животе... пока не случается глухой удар, за которым следует скрип тормозов. Наша семейная песня заканчивается двумя могильными плитами и безвозвратной потерей мечты всей моей жизни.

До аварии я планировала стать олимпийской чемпионкой по фигурному катанию, а вышло так, что стала... чемпионкой по самому быстрому восстановлению в реабилитационной клинике, где целый год заново училась ходить.

Погружаясь в кадрированные воспоминания, я все больше обливаюсь холодным потом. Внезапный телефонный звонок добавляет масла в огонь внутренних мучений: ненавижу отвечать, находясь за рулем. Но вдруг там что-то срочное?

Тянусь к смартфону на соседнем сиденье, непрерывно глядя на дорогу. Барабанные перепонки разрывает резкий сокрушительный сигнал, издаваемый фурой, пролетающей мимо. Громадная махина появилась из ниоткуда! Не могу осудить водителя за отрезвляющий сигнал, сейчас не права я. Очевидно, я немного сместилась на встречную полосу в попытке ответить на чертов звонок...

Все происходит так быстро. Как и в прошлый раз, одиннадцать лет назад. Мне отлично известно: чтобы потерять все, достаточно сотых долей секунды.

Когда машину разворачивает на ледяной дороге на триста шестьдесят градусов, я уже не дышу. Не могу и кричать из-за давления в легких. Мое сердце замирает или выпрыгивает из груди — я не понимаю, не осознаю происходящего. Все слишком быстро, считанные мгновения отделяют меня от необратимой яви.

Крепко держусь за руль, пытаюсь вспомнить, каким образом нужно правильно вывернуть колеса. Но уже поздно. Любой сознательный человек будет думать об этом до того, как потянется за телефоном в ответственный и опасный момент. Что ж, это могли бы быть

съемки отличной социальной рекламы, но, к сожалению, — все взаправду. Скрип тормозов вселяет в меня ужас, кажется, что весь мир сейчас дрожит и вибрирует вместе со мной. Рушится, распадается на сотни осколков реальности.

На мгновение мир окрашивается в черный, а потом — в ослепительно-белый свет.

Мощный удар, отдающий острой болью в спину. Мое лицо расплющивает по подушке безопасности. Уверена, что сломала нос, но, если я чувствую боль, — это хорошо, правда? Стреляющая агония парализует голову за секунду до того, как я отключаюсь.

Самое страшное — меня никто не спасет. Дом находится в пятнадцати минутах от ближайшего населенного пункта. Но и там в канун Рождества все попрятались по своим семейным убежищам. Никому нет дела до одинокой идиотки, которая ни черта не учится на своих ошибках. Проехавшая фура была единственным транспортом, который встретился мне на пути. Поэтому сомневаюсь, что кто-либо оперативно вызовет для меня помощь...

Не знаю, сколько проходит времени. Может быть, минута. А может, целая вечность. Удивительно, что я еще способна связно мыслить. И даже дышать. Осознание, что я жива, приходит довольно быстро.

Удивительно — мне казалось, меня нехило развернуло на дороге. А в итоге по ощущениям нет даже малейшего сотрясения. Разлепив веки, которые зажмурила от испуга, я замечаю, что по счастливому стечению